

Журнал “Парус” был создан ровно десять лет назад. Проект интернет-издания зародился по личной инициативе главного редактора, нескольких биографических совпадений и одного душевного диалога. История “Паруса” нигде не зафиксирована, хотя журнал собирает под своей обложкой известных авторов и может похвастаться эксклюзивными материалами, например, последним опубликованным интервью с В. Г. Распутиным.

Главный редактор “Паруса”, литературовед, критик, профессор кафедры литературы МГИК Ирина Владимировна Калус рассказывает о появлении журнала: “Когда на факультете дополнительного образования, который я курировала в МГГУ им. М. А. Шолохова, мне предложили вести предмет “Литературное редактирование и стилистика”, он меня буквально очаровал. И я ощутила нехватку именно “полевых” знаний – навыка работы в реальной редакции, с реальными авторами, реальными текстами. . .

Примерно в это же время на первый набор дополнительного образования ко мне пришёл студент вечернего отделения Ренат Аймалетдинов, неординарные способности которого к редактированию текстов я заметила сразу. Тогда же мне написал незнакомый человек – ярославский поэт, журналист и издатель Евгений Чеканов. Он хотел, чтобы мы со студентами помогли отредактировать биографии писателей для его сайта, и мы взялись за дело (“Паруса” тогда ещё не было).

Затем, на Кожиновских чтениях в Армавире в 2010 году, где собралось много москвичей, Вячеслав Румянцев и Лидия Сычёва предложили мне основать собственный журнал и влиться в “Хронос”*. В один из дней конференции проходила в Пятигорске, и мы, посетив место дуэли Лермонтова и другие кавказские достопримечательности, попали с Лидой на ночлег в один номер студенческого общежития Пятигорской фармакадемии (которую, к слову, когда-то оканчивала моя мама). Поговорили – и я вдохновилась: журналу – быть!

Осенью 2010 года Ренат Аймалетдинов, Евгений Чеканов и Юрий Павлов (профессор, в те времена заведовавший кафедрой литературы Армавирского госпединститута, мой бывший научный руководитель, организатор Кожиновских чтений) дали согласие сотрудничать, мы распределили рубрики – и работа закипела. Первый номер делали долго, тщательно отбирая материалы,

* “Хронос” – исторический портал, на платформе которого осуществляет деятельность содружество литературных журналов “Русское поле”, куда входят “Молоко”, “Парус”, “Русская жизнь” и др.

по десять раз перепроверяли себя. Все первые номера до сих пор “лежат” на “Хроносе” (2010–2012). Теперь у нас три площадки: “Русское поле”, “ЛитБук” и “Журнальный мир”.

Сегодня Ирина Владимировна говорит о необходимости передышки, редакция хочет выпускать журнал один раз в два месяца. Это отнюдь не от усталости: проект развивается, обрастает новыми идеями, на реализацию которых требуется время. В перспективе – фонотека “Паруса”, библиотека и даже видеотека.

Для меня “Парус” – это издание с ярко выраженной патриотической направленностью, с академической базой и оригинальным рубрикаторм. Но главная “особинка” здесь – рубрика-анкета, которая помещается в конце номера. Называется “Знакомство с авторами”, содержит пятнадцать фиксированных вопросов. В современном журнальном процессе не существует аналогичных вопросов, которые бы позволяли авторам рассказывать о себе, выражать отношение к литературе и к слову.

По словам И. В. Калус, редакция предлагает всем новым авторам без исключения заполнить анкету, за десять лет не было ни одного отказа. Мотивация создания постоянной рубрики следующая: “Она была задумана для того, чтобы повысить читательский интерес к нашим авторам (и чтобы наши любимые авторы тоже почувствовали, что они нам интересны, чтобы могли рассказать о себе), над этим я специально размышляла. Хотелось сделать именно для авторов “Паруса” что-то необычное. Как правило, русскому читателю интересна в том числе и личность писателя: где живёт, чем дышит...”

Но здесь не только обоюдосторонний интерес читателя и писателя: изучив сто девять доступных анкет, обнаруживаешь явные совпадения, социологически важные переключки, которые помогают сформировать образ писателя-патриота начала двадцать первого века. Зачем люди пишут, чего они хотят, о чём мечтают сказать?.. Среди прозаиков и поэтов встречаются имена как известные, так и совсем новые, это писатели разных возрастов и взглядов, но все они пытаются художественно осознать мир.

Итак, анкета состоит из пятнадцати вопросов, которые предоставляются авторам в электронном виде. Есть время подумать, написать и удалить, перепроверить себя.

Первый пункт – личный:

“Расскажите, что стало причиной Вашего прихода к занятиям литературным творчеством? Какими были первые опыты?”

Самый популярный ответ на этот вопрос – упоминание отца или деда. Чаще всего, если автор отвечает “отец”, он имеет в виду прямое наследование литературного занятия. Поэт, журналист – активный пример отца влияет на дальнейший выбор профессии: “Мой отец был поэтом. У него на столе всегда стояли в стакане остро отточенные карандаши и лежала стопка писчей бумаги <...> У отца собирались весёлые, шумные компании, где тоже читали стихи и беседовали о жизни. Поэтому с детства мне казалось вполне естественным, что я буду делать то же самое” (Дмитрий Беличенко). Как мы видим, большую роль играет литературная обстановка. Если ребёнок оказывается в литературной среде с самого детства, он растёт под её влиянием: “У меня не было выбора. И мама, и папа писатели, в доме всегда были гости-писатели и велись литературные разговоры” (Евгения Перепёлка); “Вспоминая свои детские годы, закрываю глаза и вижу папу, журналиста городской газеты. Таков был стиль жизни нашей семьи: литературная жизнь города и её пульс – газета “Московский рабочий” (Елизавета Хапланова).

Иное с дедом. Оракул, генерал литературных историй, самый лучший и интересный рассказчик. Он прошёл войну, много видел и знал, и теперь в устной форме передаёт внуку или внучке память. У ребёнка появляется желание записать услышанное на бумагу – так и начинается творчество: “Мой дед, участник первой мировой войны, любил вспоминать о периоде своего австрийского плена. Один из его рассказов я и попытался оформить на бумаге. Интересное – школьную тетрадь – скатал в трубочку и спрятал на яблечке, где обнаружил её молящийся перед иконами дед. Записи мои буквально следовали повествованию деда, которое изобиловало столь крутыми выражениями, что первую мою “повесть” безжалостно уничтожили” (Вячеслав Арсентьев). Первая и Вторая мировые, великие войны впервые воплощаются в вечерних историях, они-то и пробуждают в маленьком человеке писателя.

Вторая по распространённости причина прихода в литературу — школьный учитель. Правильное задание, умело подобранные слова, одобрение в нужный момент. “Ходячим” является эпизод чтения всему классу впервые написанных строк: *“Учительница русского языка и литературы на уроках читала всему классу мои сочинения. Они ей нравились. Мне этот процесс нравился тоже”* (Геннадий Иконников)

А вот большинство писателей, которые начали “пробовать” себя в литературе в осознанном возрасте, отдают должное литературным наставникам и называют побудительной причиной именно встречу с ними. Выделяется история бывшего лётчика Григория Калюжного о писателе-“деревенщике” Фёдоре Абрамове: *“Абрамов, выступая перед молодыми литераторами, призвал меня сосчитать из кабины самолёта, “сколько сёл и деревень ушло в небытие и сколько их ещё осталось в России”*. Я невольно, из простого любопытства, стал обращать внимание на наличие сельских поселений, зафиксированных на полётных картах разного масштаба. Говоря словами одного вертолётчика, деревни и сёла ежегодно исчезали с лица земли не десятками, не сотнями, а тысячами”. Как и всякий большой писатель, Абрамов мог посмотреть “из” другого человека на мир и зацепиться взглядом за самое важное. Позже Калюжный пойдёт по стопам учителя и захочет рассказать о трагедии деревни... Многие вспоминают семинарский опыт — литература для них началась с того момента, как их произведение впервые разобрал мастер: *“Оказалось достаточно разбора Юрием Кузнецовым одного стихотворения, “первого опыта”, чтобы приоткрылась дверка в литературу”* (Михаил Былых).

И хотя самой частой разновидностью ответа стала литературная учёба в разных формах, несколько раз писатели рассказывали о... зависти. Начали писать из чувства соревновательного задора, чаще всего тот, с кем соревновались, далее по литературной стезе не шёл, а вот отвечающий на вопрос в итоге решал посвятить литературе жизнь: *“Стихи, как это ни забавно звучит, я начал писать из зависти. В 70-е мой друг, игравший в Молодёжном театре-студии на Красной Пресне, решил написать роман. Он принёс мне полторы страницы текста, и я пришёл в восторг. Прозу писать вслед за другом, понятно, уже не было смысла. И я написал несколько авангардных стихотворений. В итоге мой друг Николай дальше тех полутора страниц так и не продвинулся, а я через несколько лет поступил в Литературный институт”*. Кто-то хотел быть лучше друга, кто-то — обогнать сестру или брата, кому-то не давали покоя успехи соседа. Одним словом, литературный спорт вместо вдохновения.

Статистические результаты ответа на первый вопрос удивительны. Как мне казалось, самой распространённой причиной для поэтического или прозаического писания должна была стать первая влюблённость. Но лишь дважды упоминание о ней встречается в анкетах авторов “Паруса”. И только Александр Казинцев рассуждает о роли влюблённости в формировании литературного таланта подробно: *“Вдумайтесь, именно к пятнадцатилетнему рубежу человек осознаёт себя как личность. Он неповторим, другого такого нет и не будет. И тут же к восторгу примешивается горчайшая печаль — осознание одиночества перед лицом мироздания. <...> Именно тогда приходят любовь и стихи. Древний инстинкт самосохранения подталкивает к продолжению рода. И он же диктует первые строки: человек пытается сохранить себя не только физически — в потомстве, но и духовно”*. Хотя вполне возможно, что авторы решили просто скрыть дорогие сердцу эпизоды...

Суммируя, можно сказать, что перед нами — писатель-наследник, он осознанно вбирает в себя опыт предыдущих поколений, прилежно учится у жизненных и литературных учителей. Это вполне сопоставимо с постулируемой “Парусом” ориентацией на классический образец: писатель-патриот чувствует себя частью целого прежде всего, он ответственен за продолжение литературного рода, знания, дела своего учителя.

Учёбе и образованию посвящён следующий блок вопросов анкеты. Самые знаковые из них:

“Кого вы можете назвать своими литературными учителями? Как бы Вы могли бы обозначить сферу своих литературных интересов?”

Конечно, называют классиков, и очень хорошо, что называют классиков. Учатся у Достоевского, Толстого, Чехова, Бунина, Распутина, Белова, Рубцова,

Кузнецова... Список можно продолжить. Но, судя по всему, друг друга или современную литературу вообще писатели читают мало. Однако если и встречается новейший поэтический ряд, то он примерно совпадает: “Дорогие для меня имена Светлана Сырнева, Диана Кан, Евгений Семичев, Юрий Перминов” (Александр Нестругин); “Из современников – Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Евгений Семичев, Диана Кан, Светлана Сырнева” (Вадим Бакулин); “Среди современников для меня интересна поэзия В. Дронникова, И. Семёновой, Ю. Кузнецова, Л. Котюкова, Е. Юшина, Д. Кан, Е. Семичева и многих других авторов” (Андрей Шендаков). Имена Дианы Кан, Евгения Семичева и Светланы Сырневой в “Знакомстве с авторами” звучат с одинаковой периодичностью и составляют малый круг современного писательского чтения.

В разговоре о литературных учителях писатели скромны, односложны и особенно не распространяются. А вот когда появляется возможность что-то решить, пусть даже в условном пространстве опроса, появляется живая категоричность. Провокационный вопрос о школьной программе – своеобразный вывод из всего предыдущего:

“Какого автора, на Ваш взгляд, следует изъять из школьной программы, а какого – включить в неё?”

Здесь встречаются яркие заявления. Уже упомянутая поэтесса Диана Кан сгущает краски: “Русская классика практически изъята из школьной программы. Своё, родное, признанное во всём мире как шедевры мировой литературы нашим детям подменили второсортным зарубежным. Так бывает, если страна в оккупации”. Желание поэта сказать о плачевном состоянии социума понятно, но, к счастью, вывод о школьной программе преувеличен. Как человек, закончивший школу четыре года назад, могу сказать, что зарубежная литература преподаётся в факультативном формате, а основная часть произведений – это русская классика. Да и ЕГЭ будущие студенты сдают именно по русской литературе. Схожее с Кан мнение выражает Юрий Красавин, он оценивает интеллектуальный уровень подростков: “У меня создаётся впечатление, что в школьной программе вообще нет литературы. По-моему, её изъяли целиком, и это случилось не вчера, а лет эдак 20–30 назад. Уже выросло не одно поколение людей, разговор с которыми на литературную тему представляет собой сплошной анекдот”. В этом Красавин винит, разумеется, школу.

Частные мнения заглушает общее. Почти все писатели едины в одном: из школьной программы нужно исключить произведения А. И. Солженицына. Подавляющие число совпадений – в ответе на этот вопрос. Некоторые говорят о том, что убрать в обязательном порядке нужно политизированный текст “Архипелаг ГУЛаг”, потому что никакого отношения к литературе он не имеет: “Нельзя в обязательном порядке (как предписывает программа) изучать “Архипелаг ГУЛаг” А. Солженицына. Это всё что угодно, но только не художественная проза” (Вячеслав Арсентьев). Некоторые говорят о том, что стоит полностью исключить Солженицына из круга детского и подросткового чтения: “Считаю, что на данном этапе А. Солженицын должен быть исключён из программы школы. У меня были репрессированы отец и дед. Они реабилитированы. Но при всех их обидах, их правдивые воспоминания никак не соответствуют тому, что насочинял Солженицын” (Геннадий Готовцев). Основной посыл – предательское отношение к Родине: “Называть победу в Великой Отечественной войне самым значительным событием в русской истории и одновременно пропагандировать произведения автора, “воспевающего” предателя Власова и власовцев, – по меньшей мере, кощунственно” (Май-рудин Бабаханов). Русская литература совестлива, в длинном ряду высказываний отчётливо звучит национальная гордость. Какими бы ни были анкеты – написанными наскорю, сухими, скрытыми, шутивными, в ответе на этот вопрос они эмоционально усложняются и углубляются. Видно, что людям не всё равно, и они не могут этого скрыть.

Впрочем, литераторы не одиноки в отношении к Солженицыну. Напомню, что решение о введении книги “Архипелаг ГУЛаг” в круг обязательного чтения фрагментами было принято в 2018 году. Общественность среагировала моментально*: по хэштегам #АрхиПевецЛжи и #АнтиСолженицын можно найти сотни

* REGNUM // Сегодня Солженицын в школе, завтра Коля в бундестаре // <https://regnum.ru/news/cultura/2418389.html>.

фото людей с плакатами, которые требуют убрать роман из школьной программы. Тогда это не подействовало, напротив, вдобавок был установлен памятник писателю в Таганском районе, против которого жители города также активно протестовали*.

Ещё одно имя, которое менее часто, но звучит в анкетах в связи с исключением из школьной программы, – Иосиф Бродский. Обсуждение на градус ниже и связано скорее с личными поэтическими предпочтениями, следованием полярной традиции. При всей спорности нельзя не признать, что Бродский – поэт, а преувеличенное значение, придаваемое его творчеству, решается более полным представлением русской поэзии двадцатого века: Рубцова, Кузнецова, Тряпкина, Прасолова и т. д.

Немногие писатели в своих ответах переходят с запрета на разрешение. Основные методические рекомендации – расширить список произведений Валентина Распутина, Василия Белова, Василия Шукшина, добавить Юрия Кузнецова и... Захара Прилепина. Из всей широкой панорамы игнорируемых классиков (Казаков, Прасолов, Куваев) русские писатели выбирают Прилепина: *“Неплохо было бы ещё туда Захара Прилепина включить, его повесть о чеченской войне или роман “Санькя”. Хочется видеть в литературе живых и сильных положительных героев”* (Татьяна Щербинина); *“Можно и нужно включить Прилепина с романом “Санькя” (Олег Селеццев)*. Но, будто в предудержение светлой идеи, есть и противоположное мнение: *“Большое сомнение у меня вызывает качество и духовное наполнение текстов З. Прилепина. Нельзя включать в программу авторов, преследующих спекулятивные цели”* (Андрей Шендаков). И всё же значительным кажется то, что единственный современный автор, который пишет прямо сейчас и о включении в школьную программу которого заходит речь, – это Захар Прилепин, неизменно с одним и тем же романом.

Ещё одна мысль, общая мысль для всех ответов на вопрос про школу, – более подробное изучение произведений древнерусской литературы: *“С неизбежными экскурсами в область литературы древнерусской “Повесть временных лет”, “Слово о полку Игореве”, былины, “Задонщина” “Хождение за три моря” и т. д. <...> Причём изучать всё это надлежит углублённо, а не мельком и походя. Тогда, возможно, прекратятся досужие разговоры о том, что нынешним школьникам непонятен язык Пушкина и Гоголя”* (Александр Юдин). Мысль значительная и бесспорная.

Мнения, возражения, утверждения... Среди отвечающих на вопросы анкеты был и школьный учитель. Ирина Кемакова не видит никаких проблем: *“Работаю учителем русского языка и литературы уже 23 года. Школьная программа по литературе меня полностью устраивает. Ничего менять не стала бы, по крайней мере, в настоящий момент”*. Личность учителя играет большую роль в образовательном процессе, и именно он решает, что из факультативной программы станет предметом изучения, а что из основной будет преподавано походя... Надеюсь, И. Кемакова, выражая полное приятие школьной программы, руководствовалась именно этими соображениями.

Два следующих вопроса продолжают тему, которая ассоциативно возникает при разговоре о творчестве Солженицына:

“Что считаете непременным условием художественного творчества? Что кажется Вам неприемлемым в художественном творчестве?”

Тут писатели разделились примерно поровну. Одни отвечали, что условие творчества – правда, помеха – ложь, другие противопоставляли талант и пошлость.

Было и несколько развёрнутых ответов, в которых писатели рассуждали о бытовых условиях для творчества: *“Правда, для литературного творчества необходимы ещё и нормальные бытовые условия, материальная обеспеченность. Не о роскоши речь, которая разлагает творческую личность, а о средствах для достойной жизни. Иметь свой тихий уголок, где можно уединиться от всех мирских шумов и целиком отдаться любимому делу. Ещё Гёте заметил, что таланты образуются в покое”* (Карл Шифнер). Но ведь бытовая данность зависит и от самого писателя в том числе. Возможность уединиться

* Ермак-инфо.рф // Москвичи борются против установки памятника Солженицыну в Москве, так как считают его символом лжи и предательства: <http://ермак-инфо.рф/2018/08/moskvichi-boryutsya-protiv-ustanovki-v-stolitse-pamyatnika-solzhenitsynu-tak-kak-schitayut-ego-simvolom-lzhi-i-predatelstva/>.

в тихом уголке достигается волевым усилием, которое помогает на это спокойствие заработать. Далеко не все разделяют подобные устремления: *“Чтобы спокойно работать в литературе, нужно на что-то жить. Без этого не будет ни творчества, ни даже просто существования. Условие моего творчества – это пенсия матери-старушки, которую мы растягиваем на двоих. У Рэя Брэдбери это была мизерная зарплата его жены, которая работала в библиотеке”* (Андрей Иванов). Действительно, жаль, что в анкете нет вопроса о том, кем работают авторы журнала “Парус”, интересно было бы узнать, чем они живут вне литературного пространства.

Из хора мнений о том, что литература должна быть искренна и талантлива и категорически не может быть пошлой и лживой, выбивается ответ Алексея Пшеничного, который не приемлет *“стихи старых дев и прозу потока сознания”*. Иллюстративных примеров первой жанровой характеристики не приводится, поэтому можно смело фантазировать.

Далее вопросы анкеты перемещаются в сферу идеального, в этой части авторам предлагается поразмышлять на тему:

“Каким Вам видится идеальный литературный критик?”

Первый, бьющий в голову мотив – долженствование. Многие писатели, отвечая на этот корректно составленный вопрос, употребили бесчисленное количество раз слово “должен”. Итак, что и кому должен критик?

Во-первых, преодолеть чувство вкуса и быть кристально объективным: *“Идеальный критик обязан не поддаваться соблазну своего вкуса, оценивать произведение с разных сторон, по возможности рассматривать его в литературном процессе”* (Владимир Бодров). Не понимаю: если не доверять своему вкусу и не иметь цели выстроить иерархию современной литературы, то зачем тогда вообще заниматься критикой? Единственное, что на самом деле есть у критика, чего никто у него не сможет отнять, – это страстная субъективность, внутренний огонь, который загорается, когда, наконец, находишь настоящее. И это только потом подключается инструментарий и доказательная база... Можно привести здесь имя любого великого: Григорьев, Кожинов, Лобанов – никто из них не написал бы программных статей, если бы не был увлечён, покорён, вдохновлён предметом своих работ, если бы не доверял своему вкусу.

Во-вторых, критик, как некий идол, должен быть всех сильнее и умнее: *“А ещё критик должен быть выше на голову самого автора”* (Вадим Бакулин). Совмещать в себе черты педагога и литературного локомотива: *“Идеальный литературный критик, на мой взгляд, должен нести в себе черты наставника. Чтобы критика была созидательной и стимулировала рост и развитие литературного процесса, кроме наставника, он должен быть и модератором, и термометром этого процесса”* (Александр Дашко). Но существует тонкая грань – не ущемлять автора и не мешать ему проявлять себя: *“Критик не должен поучать автора, не должен делать попыток руководить писателем, не должен указывать, как и о чём писать автору”* (Василий Костерин).

Постойте, да это же... потребительское отношение! С точки зрения некоторых авторов, критик – обслуживающий персонал литературного процесса (важно, что не литературы в высшем понимании). Среди заполнявших анкету писателей распространено мнение, что критик должен научить, направить, по пути ничего не сломать и не задеть в тонкой душе писателя, а потом ещё и продвинуть получившийся результат. Это особенно задевает потому, что авторы будто не думают о литературе, в которой они существуют, а ставят на первое место свой психологический комфорт. Единственное, что, на мой взгляд, действительно должен делать критик, – писать качественные статьи. Таким образом он и выполняет свою изначальную роль в литературном процессе.

А о ролях, кстати, было сказано много. Почему-то в ответах на этот вопрос появлялось много масок, образов и шаблонных поведенческих стратегий, которыми наделяют критика. Несколько раз его ассоциировали с наездником: *“Я бы сравнил критика с всадником. Недобрый всадник погоняет скакуна хлыстом, добрый – голосом или жестом попросит коня ускорить бег. Плохой критик сбивает автора с толку, хороший подымает и дарит крылья”* (Карл Шифнер). Здесь всё то же смешение ролей мастера/наставника и критика, но ещё и явная демонизация агрессивности, воплощающаяся в сравнении с рукоприкладством. Или противоположное и, по внутренним ощущениям, верное мнение: критик должен быть *“влюблённым в литературу, как рыцарь в Прекрасную*

Даму, и готовым служить во славу её без страха и упрёка” (Диана Кан). Однажды впрямую прозвучало, что критик должен быть, “как отец в детстве, — умным, добрым и сильным” (Игорь Григоров). Интересно, как это связано с запросом большинства о бережном отношении и с туманно-героическим представлением о критике. Авторы действительно воспринимают его как отца, защитника литературы. Может быть, отсюда и высокий уровень требовательности?

Имеются и карикатурные предложения: “Критик должен быть умеренно зубастым, то есть не очень злобным, желательно образованным и с чувством юмора (получился почти крокодил Гена)” (Татьяна Щербинина). И особенно симпатичные, потому что максимально честные: идеальный критик “мёртвый” (Евгений Семичев), “тот, который нахваливает меня и мои произведения” (Александр Пшеничный), “тот, кто до последней страницы прочитал разбираемого автора” (Аркадий Макаров).

Среди прочего возникла занимательная внутренняя дискуссия: должен ли критик сам быть поэтом или прозаиком? Писатели, которые заявляли своё категорическое “нет”, связывали его с пресловутой объективностью: “Я думаю, что в идеале критик не должен быть поэтом или прозаиком, смотрящим на чужое творчество через призму своего. Это мешает объективной оценке” (Андрей Дмитриев); “К сожалению, идеальный литературный критик — это чуткий к литературе, к прекрасному, но не очень творческий человек. Он не творит или почти не творит в литературе сам и поэтому способен быть безупречно объективным в своих литературно-критических суждениях и оценках” (Сергей Носов). Те же, кто отвечал “да”, настаивали на необходимости творческого опыта для понимания другого: “Убеждён, что только настоящий поэт может понять другого поэта. Настоящий критик — это, в первую очередь, настоящий литератор” (Еп. Геннадий (Головлёв)). Сложно полностью опровергнуть или согласиться с каждым из мнений. Наверное, речь здесь идёт, в первую очередь, о степени ответственности перед литературой и самим собой. Например, Вадим Валерианович Кожинов, по свидетельствам современников, всю жизнь писал стихи, но никогда их не публиковал. Смеею предположить, что не делал он этого потому, что трезво оценивал себя и мог “просмотреть” свои произведения в контексте литературы. Однако лирического чувства не терял, знал, “как пишут стихи”.

Иные из литераторов в ответе на вопрос об идеальном критике ограничились именем. Четыре раза назвали Кожинова, три раза упомянули Белинского, один раз обоих вместе, трижды же — современного воронежского критика Вячеслава Дмитриевича Лютого. Исчерпывающий ряд.

Последний из вопросов, который показался знаковым и подводящим итог — обобщение с прицелом в будущее:

“Каким Вам видится будущее русской литературы?”

Многие связывают его с судьбой народа и страны: “Будущее русской литературы — это будущее думающего и неравнодушного народа. Это его душа, его ум, его совесть. Пока жива душа народа, будет жива и настоящая русская литература, да и всякое подлинное искусство. Попса быстро устаревает и надоедает. Настоящее остаётся и даёт ростки новому искусству для новых живых людей” (Андрей Иванов). Да, состояние литературы напрямую зависит от социальных и культурных процессов внутри страны, и это нельзя игнорировать. Яркий пример: постмодернизм как следствие эпохи распада и фрагментации.

Те же, кто делает прямые прогнозы, поделались на оптимистов и пессимистов. Пессимистически настроенные писатели видят причины будущего умирания в техническом прогрессе: “Будущее русской литературы, впрочем, как и всемирной, — ужасно! Чем дальше будет двигаться технический прогресс, завлекая людей в свои капканы, тем меньше будет желания читать книги” (Анатолий Нестеров). В низком качестве современной литературы и окостенении “канона”: “Очень не хочется, чтобы будущим русской литературы опять стало её прошлое. Что-то похожее, как мне кажется, сейчас и происходит” (Влад Пеньков). Ну, и просто... видят Апокалипсис: “В условиях отмирания на территории планеты художественного слова как такового, в условиях геноцида русского народа сегодня и завтра я вижу родную словесность в полной изоляции, абсолютном меньшинстве и непримиримой оппозиции” (Олег Щалпегин).

Оптимистически настроенных граждан значительно больше. На будущее “работает” исторический момент: “Отечественная литература всегда расцветала

в переломные, роковые для России времена, а так как хорошей жизни сейчас ждать не приходится, у литературы отличные перспективы” (Марина Струкова). И развитие информационных технологий: “Если говорить о современной поэзии, то именно сейчас у неё есть всё необходимое для того, чтобы стать передовой культурной сферой. А именно <...> проекты, которые занимаются распространением поэзии при помощи современных технологий” (Александр Буланов)*. И преемственность поколений: “Так или иначе, “новые имена” будут искать свой путь в литературе под сенью и покровительством имён старых – это серьёзный и глубокий факт, открывающий простор для мысли” (Дмитрий Лагутин).

И все находятся в предчувствии чего-то большого. Пророчат: “Появится автор или даже отдельная вещь, которая взорвёт страну. Этим потрясением возродится литературный процесс. Это неизбежно. И русская литература с нашим, не западным каноном предьявит миру эталонные образцы и установит планку” (Георгий Кулишкин). Русская литература в ожидании взрыва, за тишь перед бурей.

... Когда в начале этой статьи я упомянула о том, что ни один из авторов журнала “Парус” не отказался отвечать на вопросы анкеты, то забыла добавить: кроме главного редактора Ирины Калус. Ирина Владимировна сочла это нескромным, но в позапрошлом году меценат Вячеслав Бреднев заметил это упущение и взял у неё интервью, в котором задал некоторые из вопросов анкеты**. Разговор коснулся и будущего русской литературы, болея за которую Ирина Калус подчеркнула необходимость личных усилий: “И у Вас как у мецената, способствующего сохранению художественных ценностей, и у меня на руках достаточно фактов, чтобы говорить о важности литературы, о снижении её статуса в обществе, начиная с государственного уровня, о смещении “духоформирующей” роли литературы вообще в сторону ухода от человека, в сторону “бездушно-забавляющую”, в сторону омертвляющего “формалистического поиска”. Вот только разговоры ничего не дадут. Мы сами должны возвращать литературе её культурообразующую роль – своими личными усилиями, своим примером, своей, в конце концов, “смертельной серьёзностью” в подходе к литературным явлениям – до последней черты”. Так вот, “Парус”, в котором команда редакторов работает совершенно безвозмездно; “Парус”, редколлегия которого всегда готова откликнуться на творческие предложения; “Парус”, где существует рубрика, позволяющая не терять диалога с читателем, делает для будущего много. Надеюсь, первое десятилетие журнала повлечёт за собой другие, ведь, как гласит народная поговорка, “где мелко, там парус не нужен”.

* Вообще говоря, анкета поэта Александра Буланова одна из самых интересных и информативных, в ней он подробно говорит о своём видении бытования литературы в интернет-пространстве, выстраивает чёткую схему действий для людей, которые выступают как организаторы литературного процесса.

** “Если слово трепещет в стремлении стать живым” // Журнал “Парус”, № 69 // <http://parus.ruspole.info/node/9899>.